

ИСКУССТВО

В. ШУЖИНИН

ЖИВЕТ ТАКОЙ ПАРЕНЬ

Василий Шукшин завоевал широкую популярность как исполнитель основных ролей в фильмах «Два Федора», «Золотой эшелон», «Аленка», «Мы, двое мужчин», и других.

Любители прозы знают Василия Макаровича Шукшина как автора интересных рассказов, которые в последние два-три года были напе-

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

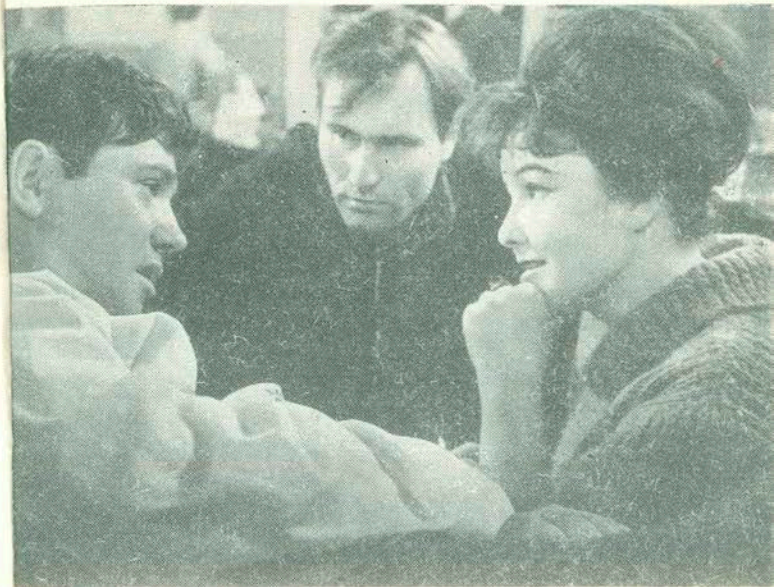
ВАСИЛИЙ ШУКШИН

ЖИВЕТ ТАКОЙ ПАРЕНЬ

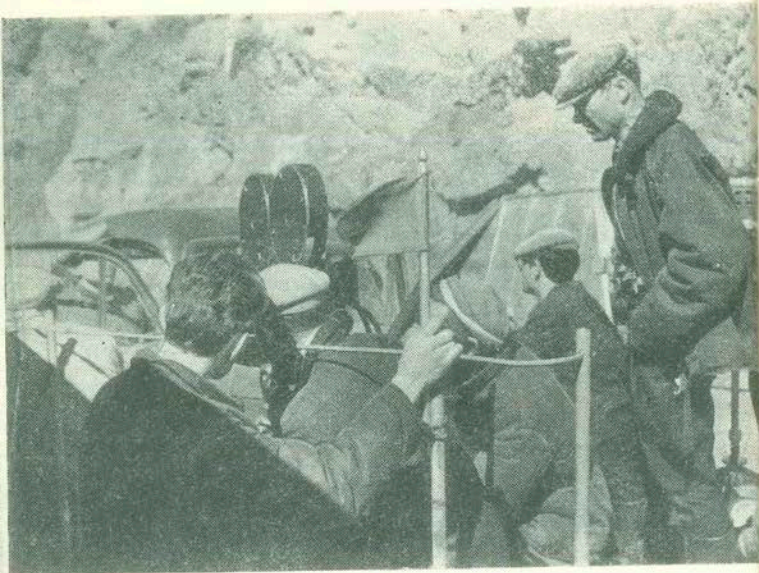
Киносценарий

Издательство «Искусство»

Москва · 1964

Режиссер В. Шукшин (в центре) проводит репетицию с исполнителями ролей Колокольникова — Л. Куравлевым и журналистки — Б. Ахмадулиной

На съемках фильма «Живет такой парень»

Есть на Алтае тракт — Чуйский. Красивая стремительная дорога, как след бича, стеганувшего по горам.

Много всякой всячины рассказывается, поется, выдумывается о нем. Все удалые молодцы, все головорезы далеких лет, все легенды — все с Чуйского тракта.

Села, расположенные вдоль тракта, издавна поставляли ему сперва ящичков, затем шоферов. Он (тракт) манит к себе, соблазняет молодые души опасным ремеслом, сказками, дивной красотой. Стоит разок проехать от Байкала до Ини хотя бы, заглянуть вниз с перевала Чике-гаман (Чик-атаман, как зовут его шоферы) — и жутковато станет, и снова потянет перевозмочь страх, и увидеть утреннюю нагую красоту гор, и почувствовать кожей целебную прохладу поднебесной выси...

И еще есть река на Алтае — Катунь. Злая, белая от злости, прыгает по камням, бьет в их холодную грудь крутой яростной волной, ревет — рвется из гор. А то вдруг присмирет в долине — тихо, слышно, как утка в затоне пьет, за островом. Отдыхает река. Чистая, светлая —

каждую песчинку на дне видно, каждый камешек. И тоже стоит разок посидеть на берегу, когда солнце встает... Красиво, очень красиво! Не расскажешь словами.

И вот несутся они в горах рядом — река и тракт. И когда глядишь на них, думается почему-то, что это брат и сестра, или что это влюбленные, или что это, наоборот, ненавидящие друг друга Он и Она, но за какие-то грехи тяжкие заколдованы злой силой быть вечно вместе... Хочется почему-то очеловечить и дорогу и реку. Местные поэты так и делают...

Много, очень много машин на тракте. День и ночь гудят они, воюют на перевалах, осторожно огибают бумы (крутые опасные повороты над кручей). И сидят за штурвалами чумазые внимательные парни. Час едут, два едут, пять часов едут... Устают смертельно. Сонливость нападает. Тут уж лучше остановиться и поспать часок-полтора, чтоб беды не наделать. Один другому могут так рассказывать:

— Еду, говорит, и так спать захотел — сил нет. И заснул. И заснул-то, наверно, на две секунды. И вижу сон: будто одним колесом повис уже над обрывом. Дал тормоз. Проснулся, смотрю — правда, одним колесом повис. Сперва не испугался, а вечером дома жутко стало...

А зимой, бывает, заметет Симинский перевал — по шесть, по восемь часов бьются на семи километрах, прокладывают путь себе и тем, кто следом поедет. Пять метров разгребают лопатами снег, пять — едут, снова пять — разгребают, пять — едут... В одних рубашках пластаются, матерят долю шоферскую, и красота

вокруг не красота. Одно спасение — хороший мотор. И любят же они свои моторы, как души свои не любят. Во всяком случае, разговоров, хвастовства и раздумий у них больше о моторе, чем о душе.

Я же, как сумею, хочу рассказать, какие у них хорошие, надежные души.

Такой суровый и такой рабочий тракт не мог не продиктовать людям свои законы. Законы эти просты:

Помоги товарищу в беде.

Не ловчи за счет другого.

Не трепись — делай.

Помяни добрым словом хорошего человека.

Не много. Но они неумолимы. И они-то определяют характеры людей. И они определяют отношения между ними. И я выбирал героя по этому признаку. Прежде всего. И главным образом.

В хороший осенний день шли порожняком по Чуйскому тракту две машины ГАЗ-51. Одну вел молодой парень, другую — пожилой, угрюмый с виду человек с маленькими, неожиданными добрыми глазами.

Парень задумчиво, с привычным прищуром смотрит вперед — это Пашка Колокольников. Пожилого зовут Кондрат Степанович.

На тракте в сторонке стоит «козлик». Под «козликом» — шофер, а рядом — молодой еще, в полувоенном костюме, председатель колхоза Прохоров Иван Егорович.

Надежды, что «козлик» побегит дальше, нет. Прохоров «голоснул» одной машине, она пролетела мимо. Другая притормозила. Шофер откинул дверцу — это Пашка.

— До Баклани подбрось.

— Ты один?

— Один.

— Садись.

Прохоров крикнул своему шоферу:

— Прислать, что ль, кого-нибудь?

Шофер вылез из-под «козлика».

— Пришли Семена с тросом!

Пашка с Прохоровым поехали.

...Летит под колеса горбатый тракт. Мелькают березки, мелькают столбики...

— Ты куда едешь? — поинтересовался Прохоров.

— В командировку, — откликнулся Пашка.

— В колхоз, что ли?

— Мгм. Помочь мужичкам надо.

— А куда?

— Деревня Листвянка.

Прохоров внимательно посмотрел на Пашку — видно, в начальственной его голове зародилась какая-то «мысль».

...Летит машина по тракту. Блестит, сверкает глубинной чистотой Кагуны.

...Прохоров и Пашка продолжают разговор.

— Тебя как зовут-то? — как бы между прочим спрашивает Прохоров.

— Меня-то? — охотно отвечает Пашка. — Павел Егорыч.

— Тезки с тобой, — идет дальше Прохоров. — Я по батьке тоже Егорыч. А фамилия моя — Прохоров.

— Очень приятно, — говорит Пашка любезно. — А я — Колокольников.

— Тоже приятно.

Машина остановилась — перед ними целая очередь из бензовозов и лесовозов.

Пашка вылез из кабины.

— Что там? — спросил Прохоров.

— Завал. Счас рвать будут.

Прохоров тоже вылез. Пошел за Пашкой. — Поехали ко мне, Егорыч? — неожиданно предложил он.

— То есть как?

— Так. Я в Листвянке знаю председателя и договорюсь с ним насчет тебя. Я тоже председатель. Листвянка — это вообще-то дыра дырой. А у нас деревня...

— Что-то не понимаю. У меня же в командировке точно сказано...

— Да какая тебе разница? Я тебе дам документ, что ты отработал у меня, — все честь по чести. А мы с тем председателем договоримся. За ним как раз должок имеется. Что, так не делают, что ли? Сколько угодно.

— Я же не один.

— А кто еще?

— А вон... — Пашка показал на Кондрата, который прошел мимо них. — Старший мой.

— А ты поговори с ним. Пусть он — в Листвянку, а ты — ко мне. Я прямо замучил-

ся без хороших шоферов. А? Я же не так просто, я же заработать дам. А?

— Не знаю... Надо поговорить.

— Поговори. На меня шофера никогда не обижались. Мне сейчас надо срочно лес перебросить, а своих машин не хватает, хоть Лазаря пой.

— Ладно, — сказал Пашка.

Так попал Павел Егорыч в Баклань.

Вечером, после работы, уписывал у Прохорова жирную лапшу с гусятиной и беседовал с его женой.

— Жена должна чувствовать, — утверждал Пашка.

— Правильно, Егорыч, — поддакивал Прохоров, стаскивая с ноги тесный сапог. — Что это за жена, понимаешь, которая не чувствует.

— Если я прихожу домой, — продолжал Пашка, — так? — усталый, грязный, меня первым делом должна встречать энергичная жена. Я ей, например: «Привет, Маруся!» Она мне весело: «Здорово, Павлик! Ты устал?»

— А если она сама, бедная, наматается ва день, то откуда же у нее к вечеру веселье возьметса? — замечала хозяйка.

— Все равно. А если она, грустная, кислая, я ей говорю: «Пирамидон!» — и меня потянет к другим. Верно, Егорыч?

— Абсолютно! — поддакивал Прохоров.

Хозяйка притворно сердилась и называла всех мужиков «оухальниками».

В клубе Пашка появился в тот же вечер. Сдержанно веселый, яркий, в белой рубаше с распахнутым воротом, в хромовых сапогах-вытяжках, в военной новенькой фуражке, изпод козырька которой вился чуб.

— Как здесь население... ничего? — равнодушно поинтересовался он у одного парня, а сам стрелял глазами по сторонам, проверяя, какое произвел впечатление на «местное население».

— Ничего, — неохотно ответил парень.

— А ты, например, чего такой кислый?

— А ты кто такой, чтобы допрос устраивать? — обиделся парень.

Пашка миролюбиво оскалился.

— Я ваш новый прокурор. Порядки приехал наводить.

— Смотри, как бы тебе самому не навели здесь.

— Не наведут. — Пашка подмигнул парню и продолжал рассматривать девушек и ребят.

Его тоже рассматривали.

Пашка такие моменты любил. Неведомое, незнакомое всегда волновало его.

Танец кончился. Пары расходились по местам.

— Что это за дивчина? — спросил Пашка у того же парня: он увидел Настю Платонову, местную красавицу.

Парень не пожелал больше с ним разговаривать, отвернулся.

Заиграли фокстрот.

Пашка прошел через весь зал к Насте, слегка поклонился и громко сказал:

— Предлагаю на тур фокса.

Все подивились изысканности Пашки — на него уже смотрели с нескрываемым веселым интересом.

Настя спокойно поднялась, положила руку на сухое Пашкино плечо. Пашка, не мигая, ласково уставился на девушку. Тонкие ноздри его острого носа трепетно вздрагивали.

Настя была несколько тяжела в движениях. Зато Пашка с ходу начал выделывать такого черта, что некоторые даже перестали танцевать — смотрели на него. Пашка выпендривался, как только мог. Он то приотпускал от себя Настю, то рывком приближал к себе — и кружился, кружился...

Настя весело спросила:

— Откуда ты такой?

— Из Москвы, — небрежно бросил Пашка.

— Все у вас там такие?

— Какие?

— Такие... воображали.

— Ваша серость меня удивляет, — сказал Пашка, вонзая многозначительный ласковый взгляд в колодезную глубину темных глаз Насти.

Настя тихо засмеялась.

Пашка сказал:

— Вы мне нравитесь. Я такой идеал давно искал.

— Быстрый ты. — Настя в упор смотрела на Пашку.

— Я на полном серьезе!

— Ну и что?

— Я вас провожаю сегодня до хаты? Если

у вас, конечно, нет какого-нибудь хахала. Договорились?

Настя усмехнулась, качнула отрицательно головой.

Танец кончился.

Пашка проводил девушку до места, опять изящно поклонился и вышел покурить с парнями в фойе.

Парни косились на него.

— Что, братцы, носы повесили? — спросил Пашка.

— Тебе не кажется, что ты здесь развел слишком бурную деятельность? — спросил тот самый парень, с которым Пашка беседовал до танца.

— Нет, не кажется.

— А мне кажется.

— Перекрестись, если кажется.

Парень нехорошо прищурился.

— Выйдем на пару минут... потолкуем.

Пашка улыбнулся.

— Не могу.

— Почему?

— Накостыляете ни за что... Да и вообще, чего вы на меня надулись? Я, кажется, никому еще на мозоль не наступал.

Парни не ожидали такого поворота. Им понравилась Пашкина прямота. Понемногу разговорились...

А в это время заиграли танго, и Настю пригласил другой парень. Пашка с остервенением растоптал окурки... И тут ему рассказали, что у Насти есть жених, инженер из Москвы, и что у них дело идет к свадьбе. Пашка внимательно

следил за Настей и, казалось, не слушал, что ему говорят. Потом сдвинул фуражку на затылок и прищурился.

— Посмотрим, кто кого сфотографирует, — сказал он и поправил фуражку. — Я этих интеллигентов одной левой делаю.

Танго кончилось.

Пашка подошел к Насте.

— Вы мне не ответили на один вопрос.

— На какой вопрос?

— Я вас провожаю сегодня до хаты?

— Я одна пойду. Спасибо.

Пашка сел рядом с девушкой. Круглые глаза его стали серьезны. Длинные тонкие пальцы незаметно дрожали.

— Поговорим, как желтмены...

— Боже мой, — вздохнула Настя и, поднявшись, направилась в другой конец зала.

Пашка смотрел ей вслед... Слышал, как вокруг него посмеивались, но не испытывал никакого стыда. Только стало горячо под ложечкой. Горячо и больно. Он встал и вышел из клуба.

На следующий день к вечеру Пашка нарядился пуще прежнего. Попросил у Прохорова вышитую рубаху, надел свои диагоналевые галифе, бостоновый пиджак и появился такой в сельской библиотеке (Настя работала библиотекарем).

— Здравствуйте! — солидно сказал он, входя в просторную избу, служившую и библиотекой и читальней.

Настя улыбнулась ему, как старому знакомому.

У стола сидел молодой человек интеллигентного вида, листал «Огонек».

Пашка начал спокойно рассматривать книги, на Настю — ноль внимания. Он сообразил, что парень с «Огоньком» и есть тот самый инженер, жених Насти.

— Хочешь почитать что-нибудь? — спросила Настя, несколько удивленная поведением Пашки.

— Да, надо, знаете...

— Что хотите? — Настя тоже невольно перешла на «вы».

— «Капитал» Карла Маркса. Я там одну главу не дочитал.

Парень оторвался от «Огонька», взглянул на Пашку.

Настя едва не прыснула, но, увидев строгие Пашкины глаза, сдержалась.

— Ваша фамилия?

— Колокольников Павел Егорыч. Год рождения 1937, водитель-механик второго класса. Холост.

Пока Настя записывала все это, Пашка незаметно искоса разглядывал ее. Потом посмотрел на парня. Тот наблюдал за ним. Встретились взглядами. Пашка подмигнул.

— Кроссвордиками занимаемся?

— Да...

— Между прочим, Гена, он тоже из Москвы, — объявила Настя.

— Ну-у... — Гена искренне обрадовался. — Вы давно оттуда? Расскажите, что там нового.

Пашка излишне долго расписывался в абонементе, потом критически рассматривал том «Капитала», молчал.

— Спасибо,— наконец сказал он Насте. Потом подошел к парню, протянул руку.— Павел Егорыч Колокольников.

— Гена. Очень рад. Как Москва-то?

— Москва-то? — переспросил Пашка, придвигая к себе несколько журналов.— Шумят Москва, шумит... — И сразу, не давая инженеру опомниться, затараторил: — Люблю смешные журналы. Особенно про алкоголиков. Так разрисуют подчас...

— Да, смешно бывает. А вы давно из Москвы?

— Из Москвы-то? — Пашка перевернул страничку журнала.— Я там не бывал сроду. Девушка меня с кем-то спутала.

— Вы же мне вчера в клубе сами говорили! — изумилась Настя.

Пашка глянул на нее, улыбнулся.

— Что-то не помню.

Настя посмотрела на Гену, Гена — на Пашку.

Пашка разглядывал картинки.

— Странно,— сказала Настя.— Значит, мне приснилось.

— Бывает,— согласился Пашка, продолжая рассматривать журнал.— Вот, пожалуйста, крашевец,— сказал он, подавая журнал Гене.— Кошмар!

Гена взглянул на карикатуру, улыбнулся.

— Вы надолго к нам?

— Так точно.— Пашка посмотрел на Настю, та улынулась, глядя на него. Пашка отметил это.— Сыграем в шашки? — предложил он инженеру.

— В шашки? — удивился инженер.— Может, в шахматы?

— В шахматы скучно,— сказал Пашка (он не умел в шахматы).— Думать надо. А в шашечки — раз-два, и пирамидон.

— Можно и в шашки, — согласился Гена.

Настя вышла из-за перегородки и под села к ним.

— За фук берем? — спросил Пашка.

— Как это? — не понял Гена.

— А это когда игрок прозевает бить, берут штрафную шашку,— пояснила Настя.

— А-а... Можно брать. Берем.

Пашка быстренько расставил шашки. Взял две, спрятал в кулак за спиной.

— В какой?

— В левой.

— Ваша не пляшет.— Белыми выпало играть Пашке.

— Сделаем так,— начал он игру, устраиваясь удобнее на стуле; выражение его лица было довольное и хитрое.— Здесь курить, конечно, нельзя? — спросил он Настю.

— Нет, конечно.

— Нельзя так нельзя... — Пашка пошел второй шашкой.— Сделаем некоторый пирамидон, как говорят французы.

Инженер играл слабо, это было видно сразу. Настя стала ему подсказывать. Он возразил:

— Погоди! Ну так же нельзя, слушай... за чем же подсказывать?

— Ты же неверно ходишь.

— Ну и что? Играю-то я.

— Учиться надо.

Пашка улыбнулся. Он ходил уверенно, быстро и с толком.

— Вон той, Гена, крайней, — снова не выдержала Настя.

— Нет, я не могу так! — закипятился Гена. — Я сам только что хотел этой, а теперь не пойду принципиально.

— А чего ты волнуешься? Вот чудак!

— Как же мне не волноваться?

— Волноваться вредно, — вмешался в спор Пашка и подмигнул Насте. Та покраснела и засмеялась.

— Ну и проиграешь сейчас. Принципиально.

— Нет, зачем?.. — снисходительно сказал Пашка. — Тут еще полно шансов меня сфотографировать... Между прочим, у меня дамка. Прошу ходить.

— Теперь проиграл, — с досадой сказала Настя.

— Занимайся своим делом! — обиделся Гена по-настоящему. — Нельзя же так, в самом деле. Отойди!

— А еще инженер. — Настя встала.

— Это уже... неостроумно. При чем тут инженер?

— Боюсь ему понравиться-а... — запела Настя и ушла в глубь библиотеки.

— Женский пол, — снисходительно заметил Пашка.

Инженер смешал шашки, сказал чуть охрипшим голосом:

— Я проиграл.

— Выйдем, покурим? — предложил Пашка.

— Пойдем.

На крыльце, закуривая, инженер пожаловался:

— Не понимаю, что за натура? Во все обязательно вмешается.

— Ничего, — сказал Пашка. — Пройдет... Давно здесь?

— Что?

— Давно здесь живешь?

— Живу-то? Второй месяц.

— Жениться хочешь?

Инженер с удивлением глянул на Пашку. Пашкин взгляд был прям и серьезен.

— На ней? Да. А что?

— Правильно. Хорошая девушка. Она любит тебя?

Инженер вконец растерялся.

— Любит?.. По-моему, да.

Пашка курил и сосредоточенно рассматривал сигарету.

Инженер хмыкнул и спросил:

— Ты «Капитал» действительно читаешь?

— Нет, конечно. — Тут Пашка увидел на улице автобус — «Моды в село». — Пойдем посмотрим, — предложил он.

— А что там? — спросил Гена.

— Костюмы показывают.

— «Дом моделей»? — с удивлением прочитал Гена.

— Сходим вечером, посмотрим? — Пашка повернулся к Гене. — Музыка играет...

— Здравствуйте, дорогие друзья! — сказала приветливая молодая женщина. — Мы показываем вам моды осенне-зимнего сезона. Обратите внимание на удобство, простоту и красоту наших моделей. Мы показываем вам не только выходную одежду, но и рабочую... Машенька, пожалуйста!

Музыканты, стоявшие в глубине клубной сцены, заиграли что-то очень трогательное. На сцену вышла миленькая девушка в платьице с передничком и стала плавно ходить туда-сюда.

— Это Маша-птичница! — пояснила приветливая женщина. — Маша не только птичница, она учится заочно в сельскохозяйственном техникуме.

Маша-птичница улыбнулась в зал.

— На переднике с правой стороны предусмотрен карман, куда Маша кладет книжку.

Маша вынула из кармана книжку и показала, как это удобно.

— Читать ее Маша может тогда, когда кормит своих маленьких пушистых друзей. Маленькие пушистые друзья очень любят Машу и, едва завидев ее в этом простом красивом платьице, толпой бегут к ней навстречу. Им нисколько не мешает, что Маша читает книжку, когда они клюют свои зернышки.

Настя, Гена и Пашка сидят в зале. Пашку меньше всего интересуют Маша-птичница и ее маленькие пушистые друзья. Его интересует Настя. Он осторожно взял ее за руку. Настя силой отняла руку, чуть наклонилась к Пашке и негромко сказала:

— Если ты будешь распускать руки, я опозорю тебя на весь клуб.

Пашка отодвинулся от нее.

— А вот костюм для полевых работ! — возвестила стареющая женщина.

На сцену под музыку (музыка уже другая — быстрая, игривая) вышла другая девушка. В брюках, в сапожках и в курточке, она сильно смахивала на девицу с улицы Горького.

— Это Наташа, — стала пояснять женщина. — Наташа — ударник коммунистического труда, член полеводческой бригады. Я говорю условно, товарищи, вы меня, конечно, понимаете. — Женщина обаятельно улыбнулась. — Здесь традиционную фуфайку заменяет удобная современная куртка, — продолжает она рассказывать. — Подул холодный осенний ветер...

Наташа увлеклась ходьбой под музыку — не среагировала на последние слова.

— Наташа! — Женщина строго и вместе с тем ласково посмотрела на девушку. — Подул ветер!

Наташа подняла воротник.

— Подул холодный осенний ветер — у куртки имеется глухой воротник.

Музыканты играют, притопывают ногами. Особенно старается ударник.

— Наташа передовая не только в труде, но и в быту. Поэтому все на ней опрятно и красиво.

Наташа улыбнулась в зал, как будто не сколько извиняясь за то, что она такая передовая в быту.

— Спасибо, Наташенька.

Наташа ушла со сцены и стала переодеваться в очередное, вечернее платье. А обаятельная женщина стала пока рассказывать, как надо красиво одеваться, чтобы не было криливо и в то же время модно. Упрекнула «некоторых молодых людей», которые любят одеваться криливо (ей очень нравилось это слово — «криливо»).

...Пашка склонился к Насте и сказал:

— Я уже вторые сутки страдаю — так? — а вы мне ни бэ, ни мэ, ни кукареку.

Настя повернулась к Гене.

— Гена, дай я на твое место сяду.

Пашка засуетился громко.

— Загораживают, да? — спросил он Настю и постучал пальцем по голове впереди сидящего. — Эй, товарищ! Убери свою голову.

Парень «убрал» голову.

Настя осталась сидеть на месте.

— ...Вот вечернее строгое платье простых линий. Оно дополнено шарфом на белой подкладке. Как видите, красиво, просто и ничего лишнего. Каждой девушке приятно будет пойти в таком платье в театр, на банкет, на танцы... В этом сезоне очень модно сочетание цветов черного с белым.

Пашка потянул к себе кофту, которая была

у Насти на руке, как бы желая проверить, в каком отношении здесь цвета черный и белый...

— Гена, сядь на мое место, — попросила Настя.

Гена с готовностью сел на место Насти.

Пашка заскучал.

А на сцене в это время демонстрировался «костюм для пляжа из трех деталей».

— Платье-халат. Спереди на кнопках.

Кто-то из зрителей громко хохотнул. На него зашикали.

— Очень удобно, не правда ли? — спросила женщина.

...Пашка встал и пошел из клуба.

Дома он, не раздеваясь, прилег на кровать.

— Ты чего такой грустный? — спросил Прохоров.

— Да так... — отозвался Пашка. Полежал несколько минут и вдруг спросил: — Интересно, сейчас женщины воруют или нет?

— Как это? — не понял Прохоров.

— Ну, как раньше... Раньше ведь воровали.

— А-а... Черт его знает. А зачем их воровать-то? Они и так, по-моему, рады, без воровства.

— Это конечно. Я так просто, — согласился Пашка. Еще немного помолчал. — И статьи, конечно, за это никакой нет?

— Наверно. Я не знаю.

Пашка поднялся с кровати, заходил по комнате. О чем-то сосредоточенно думал.

А в это время в библиотеке ссорились Настя с Генкой.

— Генка, это же так все смешно,— пыталась урезонить Настя жениха.

— А мне не смешно,— упорствовал тот.— Мне больно. За тебя больно...

— Неужели ты серьезно думаешь, что...

— Думаю! Потому что вижу! Если ты можешь с первым встречным...

— Перестань! — обрвала его Настя.

— А почему «перестань»? Если ты можешь...

— Перестань!! — опять властно сказала Настя.

Стоит Пашка у окна, о чем-то крепко думает. И вдруг сорвался с места и пошел вон из комнаты. Пропел свое любимое:

«И за борт ее бросает
В набежа-авшую волну...»

Хлопнула дверь.

Гена тоже сорвался с места и без слов пошел из библиотеки.

Хлопнула дверь
Настя осталась одна.
Горько ей.

Сырая темная ночь. Недавно прошел хороший дождь, отовсюду капало. Лаяли собаки. Тарахтел движок.

Во дворе РТС Пашку окликнули.

— Свои,— сказал Пашка.

— Кто свои?

— Колокольников.

— Командировочный, что ль?

— Да.

В круг света вышел дедун — сторож в тулупе, с берданкой.

— Ехать, что ль?

— Ехать.

— Закурить имеется?

— Есть.

Закурили.

— Дождь, однако, ишо будет,— сказал дед и зевнул.— Спать клонит в дождь.

— А ты спи,— посоветовал Пашка.

— Нельзя. Я тут давеча соснул было, да, знаешь...

Пашка прервал словоохотливого старика:

— Ладно, батя, я тороплюсь.

— Давай, давай.— Старик опять зевнул.

Пашка завел машину и выехал со двора.

На улицах в деревне никого не было. Даже парочки куда-то попрятались. Пашка ехал на малой скорости. У Настинного дома остановился. Вылез из кабины. Мотор не заглушил.

— Так,— негромко сказал он и потер ладонью грудь: волновался.

Света в доме не было. Присмотревшись во тьме, Пашка увидел сквозь голые деревья слабо мерцающие темные окна горницы. Там, за этими окнами,— Настя. Сердце Пашки громко колотилось.

Он кашлянул, осторожно потряс забор — во дворе молчание. Тишина. Каплет с крыши.

Пашка тихонько перелез через низенький забор и пошел к окнам. Слышал только приглушенное ворчание своей верной машины, свои шаги и громкую капель.

Около самых окон под его ногой громко треснул сучок. Пашка замер. Тишина. Каплет. Пашка сделал последние два шага и стал в простенке. Перевел дух.

Он вынул фонарик. Желтое пятно света поползло по стенам горницы, вырывая из тьмы отдельные предметы: печку-голландку, дверь, кровать... Пятно дрогнуло и замерло. На кровати кто-то зашевелился, поднял голову — Настя. Не испугалась. Легко вскочила и подошла к окну. Пашка выключил фонарик.

Настя откинула крючки и раскрыла окно.

Из горницы пахнуло застойным сонным теплом.

— Ты что? — спросила она негромко.

«Неужели узнала?» — подумал Пашка. Он хотел, чтобы его принимали пока за другого, и молчал.

Настя отошла от окна... Пашка снова включил фонарик. Настя направилась к двери, прикрыла ее плотнее и вернулась к окну. Пашка выключил фонарь.

Настя наклонилась над подоконником... Он отстранил ее и полез в горницу.

— Додумался? — сказала Настя слегка по-теплевшим голосом. — Ноги-то хоть вытри, Геннадий Николаевич.

Пашка продолжал молчать. Сразу обнял ее,

теплую, мягкую... Так сдвинул, что у ней лопнула на рубашке какая-то тесемка.

— Ох, — глубоко вздохнула Настя. — Что же ты делаешь? Шальной...

Пашка начал ее целовать. Настя вдруг вырвалась из его объятий, отскочила, судорожно зашарила рукой по стене, отыскивая выключатель.

«Все. Конец». Пашка приготовился к самому худшему: сейчас она закричит, прибежит ее отец и будет его «фотографировать». На всякий случай отошел к окну. Вспыхнул свет... Настя настолько была поражена, что поначалу не сообразила, что стоит перед посторонним человеком в нижнем белье.

Пашка ласково улыбнулся ей.

— Испугалась?

Настя схватила со стула юбку, надела ее, подошла к Пашке...

— Здравствуйте, Павел Егорыч.

Пашка «культурно» поклонился... И тотчас ощутил на левой щеке сухую звонкую пощечину. Он ласково посмотрел на Настю.

— Ну зачем же ты так, Настя?

А Гена ходит мучается по комнате.

Постоял у окна, подошел к столу, постоял... Взял журнал, прилег на диван.

И тут вошел Пашка.

— Переживаешь? — спросил он.

Гена вскочил с дивана.

— Я не понимаю... Слушай... — начал он строго.

— Поймешь,— прервал его Пашка.— Любишь Настю?

— Что тебе нужно?! — взорвался Гена.

— Любишь,— продолжал Пашка.— Иди — она в машине сидит.

— Где сидит?

— В машине! На улице.

Гена взял фонарик и пошел на улицу.

— А ко мне зря приревновал,— грустно вслед ему сказал Пашка.— Мне с хорошими бабами не везет.

Настя сидела в кабине Пашкиной машины.

Гена постоял рядом, помолчал... Сел тоже в кабину. Молчат. Чем нелепее ссора, тем труднее бывает примириться,— так уже повелось у влюбленных.

А Пашка пошел на Катунь — пожаловаться родной реке, что не везет ему с идеалом, никак не везет.

Шумит, кипит в камнях река... Слушает Пашку, понимает, и несется дальше, и уносит Пашкину тоску далеко-далеко. Жить все равно надо, даже если очень обидно.

В ту же ночь Пашка уехал из Баклани.

Взял у Прохорова справку, что отработал на лесозаготовках два дня, и уехал...

Утро ударило звонкое, синее. Земля умылась ночным дождиком, дышала всей грудью.

Едет Пашка. Устал за ночь.

У одной небольшой деревни посадил хорошую круглолицую молодую женщину, «голосовавшую» на дороге.

Некоторое время ехали молча.

Женщина поглядывала по сторонам.

Пашка глянул на нее пару раз и спросил:

— По-французски не говорите?

— Нет, а что?

— Так, поболтали бы... — Пашка закурил.

— А вы что, говорите по-французски?

— Манжерокинг!

— Что это?

— Значит, говорю.

Женщина смотрела на него широко открытыми глазами.

— Как будет по-французски «женщина»?

Пашка снисходительно усмехнулся.

— Это смотря какая женщина. Есть — женщина, а есть — элементарная баба.

Женщина засмеялась.

— Не знаете вы французский.

— Я?

— Да, вы.

— Вы думаете, что вы говорите?

Бежит машина. Блестит Катунь под нежарким осенним солнышком.

— ...А почему, как вы думаете? — продолжается разговор в кабине.

— Скучно у нас, — отвечает Пашка.

— Ну а кто виноват, как вы думаете?

— Где? В чем виноват?..

— Что скучно-то. Кто виноват?

— Начальство, конечно.

Женщина заметна заволновалась.

— Да при чем же здесь начальство-то? Ведь мы сами иногда не умеем сделать свою жизнь интересной. Причем с мелочей начиная. Я уж не говорю о большем. Вы зайдите в квартиру к молодой женщине, посмотрите... Боже, чего там только нет! Думочки разные, подушечки, слоники дурацкие...

Пашкиному взору представилась эта картина: думочки, сумочки, вышивки, слоники... Катя Лизунова вспомнилась (знакомая его):

— ...Кошечки, кисочки, — продолжает женщина. — Это же пошлость, элементарная пошлость. Неужели это трудно понять? Ведь это же в наших руках — сделать жизнь интересной.

— Нет, если, допустим, хорошо вышито, то... почему? Бывает, вышивать не умеют, это действительно, — вставил Пашка.

— Да все равно, все равно!.. — загорячилась женщина. — Поймите вы это, ради бога! Неужели трудно поставить какую-нибудь тахту вместо купеческой кровати, повесить на стенку три-четыре хорошие репродукции, на стол — какую-нибудь современную вазу...

Пашке опять представилась комната знакомой ему Катьки Лизуновой. Волшебством кинематографа высокая Катькина кровать сменяется низкой тахтой, срываются со стен вышивки и заменяются эстампами, исчезают слоники...

— ...Поставить книжный шкаф, на стол

бросить несколько журналов, торшер поставить, — продолжает женщина.

...А в комнате Катьки Лизуновой (по команде женщины, под ее голос) продолжают происходить чудесные преобразования...

И вот сидит в комнате не то Катька, не то совсем другая женщина, скорей всего французка какая-то, но похожая на Катьку. Читает.

И входит в комнату сам Пашка, в цилиндре, в черном фраке, с сигарой и с тросточкой. Раскланялся с Катькой, снял цилиндр, уселся в кресло. И начали они с Катькой шпарить по-французски. Да так это у них все ловко получается! Пашка ей с улыбкой слово, она ему — два. Он ей слово, она ему — два...

— ...Неужели все это трудно сделать? — спрашивает женщина Пашку. — Ведь я уверена, что денег для такой обстановки потребуется не больше.

Пашка с интересом посмотрел на женщину. Она ему явно нравится.

— Можно, наверно.

— Можно!.. Все можно. Сами виноваты. Это же в наших возможностях.

...А над русской землей встает огромное солнце. Парит пашня. Дымят далекие костры. Стелется туман...

Едут Пашка с женщиной.

Пашка заметил, что женщина что-то уж очень нетерпеливо стала поглядывать вперед. Спросила:

— А долго нам еще ехать?

— Еще километров тридцать с гаком. Да как — километров десять.

Женщина затосковала.

Пашка понял: приспичило. Выбрал место, где тракт ближе всего подходит к Катунь, остановил машину.

— Ну-ка, милая, возьми ведро да сходи за водой. А я пока мотор посмотрю.

— С удовольствием! — воскликнула женщина, взяла ведро и побежала через кустарник вниз, к реке. Пашка внимательно посмотрел ей вслед.

Поехали дальше.

— Муж-то знает, что вы едете? — спросил Пашка.

— Знает. Уж ждет, наверное.

— Что же он в город не поехал встречать? Что за манера, между прочим отпускать жен одних в такую дорогу!

— Наверно, некогда было. А то бы поехал.

— Надолго в наши края?

— Недели на две.

— А почему не насовсем?

— Я же тоже работаю.

— А здесь что, нельзя работать?

— Здесь... это сложно, знаете.

— Как же так жить? Муж здесь, вы там.

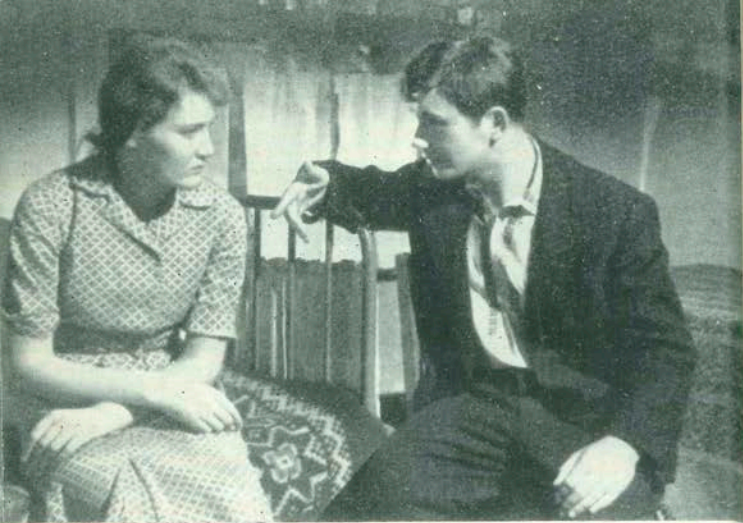
— Он скоро уедет. Отработает сколько положено и уедет.

Замолчали. Пашка задумался о чем-то своем.

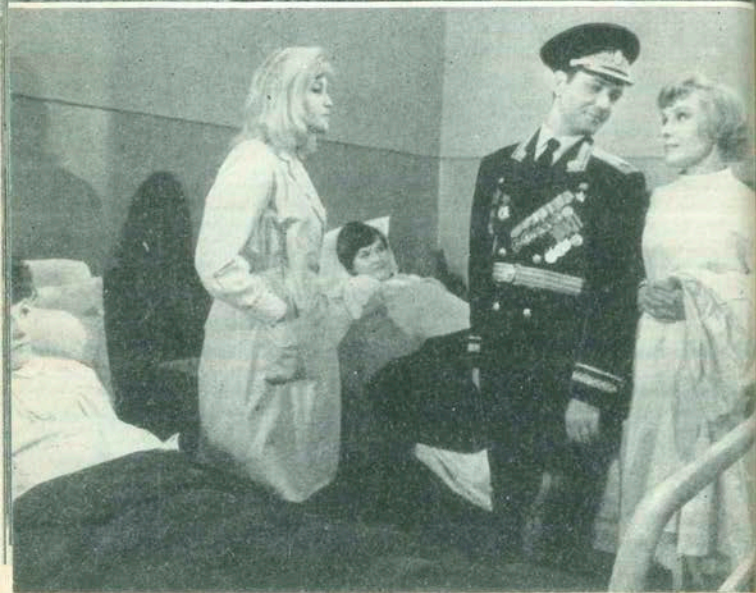
Муж действительно ждал жену на тракте. Длинный, опрятный, с узким остроносом лицом.

Очень обрадовался. Растерялся: не знал — то ли целовать жену, то ли снимать чемоданы с кузова...

Женщина полезла в сумочку за деньгами.

— Сколько вам?

— Нисколько. Иди к мужу-то... поцелуйтесь хоть — я отвернусь. — Пашка улыбнулся.

Женщина засмеялась.

— Нет, правда, сколько?

— Да нисколько! — заорал Пашка. — Кошмар с этими... культурными. Другая давно бы уж поняла.

Женщина пошла к мужу.

Тот стал подавать ей чемоданы. Негромко стал выговаривать:

— Почему все-таки одна приехала? Я же писал: не садись одна с шофером. Писал?

— А что тут особенного? — тоже негромко возразила женщина. — Он хороший парень.

— Откуда ты знаешь, хороший он или плохой? Что у него, на лбу написано? Хороший... Ты еще не знаешь их. Они тут не посмотрят...

Пашка слышал этот разговор. Злая, мстительная сила вытолкнула его из кабины.

— Ну-ка, плати за то, что я вез твою жену. Быстро!

— А она что, не заплатила? Ты разве не заплатила? — Муж растерялся: глаза у Пашки были, как у расвирепевшей кошки.

— Он не взял... — Женщина тоже растерялась.

Пашка не смотрел на нее.

— Плати! — рявкнул он.

Муж поспешно сунулся в карман... Но тут же спохватился.

— А вы что кричите-то? Заплачу, конечно. Что вы кричите-то? Сколько?

— Два рубля.

— Что-о? Тут же только пятьдесят копеек берут!

— Два рубля!!

— Олег! — сказала женщина. — Немедленно заплати ему... Заплати ему два рубля.

— Пожалуйста. — Муж отдал Пашке два рубля.

Машина рванула с места и поехала дальше.

Деревня Листвянка...

Кондрат сидел со стариком хозяином, у которого он остановился. Старики толковали про жизнь. Хозяин рассказывал:

— Да... вот так, значит. Вырастили я их, лоботрясов, шесть человек, а сейчас один остался, как гвоздь в старой плохе. Разъехались, значит, по городам. Ничего вроде живут, справно, а меня обида берет: для кого же я весь век горбатился, для кого дом этот строил?

— Такая уж теперь жизнь пошла, ничего не поделаешь.

— Жизнь эта меня не касается!

— Она всех касается, кум.

— Кхх!.. Мне вот надо бы крышу сейчас новую, а не могу — сил не хватает. А тут приехал младший: поедем, говорит, тять, со мной. Продай, говорит, дом и поедем. Эх ты,

говору, сопля ты этакая! Я сейчас кто? Хозяин. А без дома кто? Пес бездомный.

— Ты зря так... Зря.

— Нет, не зря.

— Зря.

— Ты, значит, никогда не крестьянствовал, если так рассуждаешь.

— Я до тридцати пяти годов крестьянствовал, если хочешь знать. А опора сейчас — не дом.

— А кто же? Тилифизоры ваши? Финтифлюшки разные?

Тут вошел Пашка.

— Здорово, старички!

Кондрат нахмурился.

— Подольше не мог?

— Все в порядке, дядя Кондрат.

Кондрат хочет изобразить из себя — перед хозяином — наставника строгого, как бы отца.

— Шалопутничать начинаешь, Павел. См-а-три! Я на сколько тебя отпускал?

Пашка для приличия виновато наморщился.

Пауза.

— Чего делал-то там? — мягче спросил Кондрат.

— Лес возили. — Пашка пошел переодеться в другую комнату.

— Посиди с нами, — пригласил хозяин. — Мы тут как раз про вас, кобелей, разговариваем.

— Некогда, братцы, — отказался Пашка. — В гости иду.

— Далеко ли? — поинтересовался Кондрат.

— К Лизуновым.

— Это кто такие?

— Так... знакомая одна...

— Расплодил ты этих знакомых!..— строго заметил Кондрат. — Переломают где-нибудь ноги-то.

— Искобелились все, — согласно проворчал хозяин. — А вот был бы при хозяйстве-то, небось не побежал бы сейчас к Катьке-разведенке, а копался бы дома.

— Свобода личности, чего вы хотите! — возразил Пашка.

— Избаловала вас Советская власть, избаловала. Я бы вам показал личность! Встал бы у меня в пять часов и работал бы, сукин сын, допоздна, пока солнце не сядет. Вот тогда не до Катьки было бы.

Тут вошла хозяйка. Закудаhtала...

— Кум! Здравствуй, кум!

— Марфынька, — занял старик хозяин. — Однако ж где-то было ведь у нас... кхэ...

— Чего было? Чего закрихтел?..

— Было же где-то... Нам бы с кумом по маленькой...

— Э-эх... Ладно, для кума...

— Давай, давай...

Лизуновы ужинали.

— Приятного аппетита! — сказал Пашка.

— Садись с нами, — пригласил хозяин.

— Спасибо. — Пашка присел на припечке. — Только что из-за стола.

Катя поспешно дохлебала, встала.

Прошли в горницу.

— Ты что?

Пашка смотрел на Катерину. Молодая еще, а уж намучилась, накричалась на своем веку, устала.

— Так... зашел попроведать. — Пашка натянуто улыбнулся, стало жалко Катьку.

— Опять в командировку, что ль? — Катерина угасла.

— Ага.

— Надолго?

— Да нет.

— Ну садись.

Пашка присел на крашеный табурет.

— Как живешь-то? — спросил он.

— Ничего. Какая моя жизнь? Кукую. — Катерина тоже присела на высокую свою кровать, невесело задумалась.

— Не сошлись с мужем-то?

— Не сошлась.

— Что он сейчас делает-то?

— Пьет. Что ему еще делать.

— Мда... На танцы пойдем вечером?

Катька удивленно посмотрела на Пашку, усмехнулась.

— Легко вам, ребятам: тридцать лет — вы все еще по танцулькам бегаете. Даже завидки берут.

— А тебе кто запрещает?

— Куда же я на танцы попрусь? Ты что? Совесть-то есть у меня?

— Серость, — сказал Пашка.

— Серость или нет, а мои танцы кончились,

Паша.

— Ну, тогда я в гости приду попозже. Мм?

— Зачем?

— В гости!
— Как же ты придешь? Что я, одна, что ль?
— А чего они тебе? Ты на них — ноль внимания.

— Ноль внимания...
— Ну, выйди тогда. В садик. Попозже.
— А для чего?

Пашка ответил не сразу. Действительно — для чего?

— А я откуда знаю? Так просто. Тоскливо ж тебе одной-то. И мне тоскливо.

— Тоскливо, верно.
— Ну и вот!
— Думаешь, нам веселее будет? Вдвоем?

— Не знаю. Не ручаюсь.
— Нет, не будет нам веселее. Так это... самообман. Не будет веселее.

— Ну, ты сильно-то не унывай.
— Я и не унываю.

— Взяла бы да снова замуж вышла, раз такое дело.

Катерина усмехнулась.

— Бери. Пойду.

— Вот и выходи. Сегодня потолкуем обо всем... — Пашка сам не ожидал, что так брякнет.

— Перестань ты, ботало! — рассердилась Катерина. — Зачем пришел-то?

— Некультурная ты, Катерина. Темнота.

— Ох, батюшки!.. Давно культурным-то таким стал?

— Что это, например, такое? — Пашка подошел к слоникам, взял пару самых маленьких. — Для чего, спрашивается? Для счастья? Или олень вот этот... — Пашка презрительно

прищурился на оленя. (Олень, кстати, ему нравился.) Это же... пошлость! В горнице, как в магазине. Мой тебе совет: выкинь все это, пока не поздно.

Катерина удивленно слушала Пашку. А Пашку неудержимо повело.

— Вы сами, Катька, виноваты во всем: обвиняете ребят, что они за городскими начинают приударять, а вас забывают. А нет чтобы подумать: а почему так? А потому, что городские интереснее вас. С ней же поговорить и то тянет. Наша деревенская — она, может, в десять раз красивше ее, а как нарядится в какой-нибудь малахай — черт не черт и дьявол не такой. Нет чтобы подтянуть все на себе да пройтись по улице весело, станцевать там, спеть... Нет, вы будете сидеть на лавочке, семечки проклятые лузгать да сплетничать друг про дружку. Ух, эти сплетни!.. — Пашка, стиснув зубы, крутнул головой. — Бросать это надо к чертовой матери — эти сплетни. Ты делай вид, что ничего не знаешь. Не твое дело, и все. А то ведь пойдешь с иной, и вот она начинает тебе про своих же подружек: ля-ля-ля... Все плохие, она одна хорошая. Бросать надо эту моду.

— Ты что, с цепи сорвался? — спросила Катерина.

— Ну вот, пожалуйста, сразу по лбу: «с цепи сорвался?» А ты бы сейчас спросила меня с улыбкой: «В чем дело, Павлик?»

— Пошел к дьяволу!.. Приперся нотации тут читать. Мне без них тошно.

— А ты перебори себя. Тебе тошно, а ты улыбайся. Вот тогда будешь интересная жен-

щина. Ходи, вроде тебя ни одна собака сроду не кусала: голову кверху, грудь вперед. И улыбайся. Но громко не хохочи — это дурость. А когда ты идешь вся разнесчастная, то тебя жалко, и все. Никакой охоты нету к тебе подходить.

— Ну и не подходи. Я и не прошу никого, чтобы ко мне подходили, пошли вы все к чертям, кобели проклятые. Ты зачем приперся? Тебе чего от меня надо? Думаешь, не знаю? Знаю! Знаю! А туда же — некультурная. Так иди к своим культурным. Или не шибко они тебя принимают, культурные-то?

— Никакого сдвига в человеке! — горько воскликнул Пашка. — Как была Катя Лизунова, так и осталась. Я ж тебе на полном серьезе все говорю. Ничего мне от тебя не надо!

— Я тебе тоже на полном серьезе: пошел к черту! Культурный нашелся. Уж чья бы королева мычала, а твоя бы молчала. Культурный — по чужим бабам шастать. Наверно, уж весь Чуйский тракт охватил?

— Я от тоски, — возразил Пашка. — Я нигде не могу идеал найти.

— Вот когда найдешь, тогда и читай ей свои нотации. По воскресеньям. А мне они не нужны. Ясно? Выметайся отсюда, культурный! Чего ты с некультурными разговариваешь?

— Знаешь, как я вас всех называю? — сказал Пашка. — «Дайте мужа Анне Заккео». Мне вас всех жалко, дурочка.

— От дурачка слышу. Уходи, а то огрею чем-нибудь по загривку-то — враз жалеть перестанешь.

— Эхх, — вздохнул Пашка. И вышел.

Над деревней в глухом теплом воздухе висел несуетливый вечерний гомон: мычали коровы, скрипели колодцы, переговаривались через ограды люди. Где-то стыдливо всхлипнула гармонь и смолкла.

Пашка шел к дому, где они остановились с Кондратом на постой.

Хозяин и Кондрат спали уже — «нафилософствовались» давеча.

Хозяйка ворожила на картах. И ее тоже беспокоила судьба сынов, которые разъехались по всему белому свету.

— Что там слышно — вы вот в разных местах бываете, — война-то будет или нет? — спросила она.

— Не будет, — уверенно сказал Пашка. — Не дадут.

— Господи, хоть бы не было. В народе тоже не слышно. А то ведь перед войной-то всякие явления бывают...

— Какие явления? — полюбопытствовал Пашка, попивая молоко.

— Вот перед той-то войной явление было.

— Какое?

— А вот едет шофер сверху откуда-то, с гор, и подъезжает к одному месту... А место это — как выезжать в долину Свободы...

— Знаю, — сказал Пашка.

— Вот. Выезжает из лесочка-то, глядь: впе-

реди баба стоит. Голая. Подняла руку. Шофер маленько оробел. Останавливается. Подходит она к нему и говорит: «На, говорит, тебе двадцать рублей...»

— По новым деньгам, что ли? — встрял Пашка.

— По каким по новым. Дело-то до войны было, как раз перед войной.

— Так.

— «...На, говорит, тебе двадцать рублей и купи мне на платье белой материи. Когда, говорит, поедешь назад, я тебя здесь встречу. Только смотри, говорит, купи — вишь, я голая вся». Ну, шофер что, взял. «Ладно, говорит, куплю». «Только смотри не забудь», — она-то ему еще раз. И ушла. В лес. Едет шофер. Приехал на свою базу какую-то...

— На автобазу.

— Ну и расскажи этот случай товарищам своим. Те его — на смех. «Пойдем, говорят, пропьем лучше эти деньги». Тот шофер-то махнул рукой, пошел и пропил эти деньги. Да. А когда назад-то ехать стал — струсил: «Боясь, говорит, хоть убейте». Пошел к жене, рассказал ей все. Та — ругать его. Ну, поругала, поругала, а деньги дала. Да. Купил шофер белую материю, опять заехал на свою базу. Ну, двое поехали с ним, чтобы убедиться, есть такая баба или нет. Едут. Не доезжая до того места с версту, эти два шофера послули убойным сном. Спят, и все. Уж тот шофер, который материю-то вез, толкал, толкал их, бил даже — ничего не помогает, спят. Делать нечего — надо ехать. Поехал. Доезжает до того ме-

ста — баба ждет его. «Купил?» — спрашивает. «Купил». — «Спасибо». Взяла материю. А потом поглядела на шофера и спрашивает: «Ты за чем же мои деньги-то пропил?» Тот молчит. Она так тихонечко засмеялась и говорит: «Ну ладно, они ведь, деньги-то, не мои, а ваши. А вот этих зачем с собой взял? — показывает на двух сонных. — Испугался?» Опять засмеялась и ушла в лес. Отъехал шофер с попервосты, те двое проснулись...

Пашка крепко спит.

— Уснул, — сказала старуха. — Рассказывай им.

...Едет Пашка по тракту. Подъезжает он к тому месту, где тракт выходит из гор в долину Свободы, глядь: впереди стоит какая-то женщина. Руку подняла. А сама вся в белом, в какой-то простыне. Остановился он. Подходит женщина. Оказывается, это Настя Платонова.

— Здравствуй, Павлик.

Пашка очень удивился.

— Ты чего тут?

А она ему так грустно-грустно:

— Да вот тебя жду.

— Что, опять с инженером поругались?

— Нет, Павлик. На вот тебе двадцать рублей, купи мне белой материи на платье — вишь, я какая. — А сама смотрит, смотрит на Пашку.

— А зачем тебе белое-то? Ты что, замуж вы...

— Павел! А Павел! — будит старушка Пашку. — Павел!..

Пашка проснулся.

— Я что, заснул, что ли?

— Заснул.

— Ох ты... фу! А чем кончилась история-то?

— А-а, антиресно?

— Привез он ей материи-то?

— Привез. Привез, отдал ей, а она спрашивает: «Зачем же ты, говорит, мои деньги-то пропил?..»

— Так откуда она узнала, что он деньги-то пропил?

— Так разве ж это простая баба была! — изумилась старушка. — Это же смерть по земле ходила, саван себе искала. Вот вскоре после этого и война началась. Она, она, матушка, ходила...

Пашка откровенно зевнул.

— Ну-ка, ложись спать, — спохватилась старушка. — Вам завтра вставать рано.

Пашка лег и сразу уснул.

И опять звонкое синее утро.

Выехали с проселка на тракт две машины — это Кондрат и Пашка.

Кондрат — впереди.

Едут.

Кондрат задумчив.

Пашка не выспался, усиленно курит, чтобы прогнать дремоту.

Впереди, близ дороги, — большой серый валун. На нем что-то написано.

Поравнявшись с камнем. Кондрат остановился. Пашка — тоже.

Вышли из кабин, прихватив каждый по бутылке пива из-под сидений.

Пошли к камню.

На камне написано: «Тут погиб Иван Петрягин. 4.5.52 г.»

Кондрат и Пашка сели на камень, открыли бутылки (вокруг камня много валяется бутылки из-под пива), отпили.

— Сколько ему лет было? — спросил Пашка.

— Ивану? Лет тридцать пять — тридцать восемь. Хороший был парень.

Пауза.

Еще отпили из бутылки.

Молчат. Долго молчат. Думают.

— Слышь, Павел, — сказал Кондрат, — помнишь, ты говорил насчет... этой...

— Тетки Анисьи?

— Ну.

— Надумал?

— Черт ее знает... — Кондрат мучительно сморщился. — Не знаю. Колеблюсь.

— А чего тут колебаться. Сейчас заедем к ней и потолкуем. Сколько бобылем-то жить!

— Надоело вообще-то...

— А мне, думаешь, не надоело? Как только найду идеал, с ходу фотографируюсь. А у тетки Анисьи и домик хороший, и хозяйство. Я к вам заезжать буду, в баню с тобой ходить будем, пузырек раздавим после баньки... Благодарать!

Кондрат задумчиво, можно сказать, мечтательно улыбается. Но сдержанно.

— Ты хорошо ее знаешь?

— Два года к ней заезжаю.
— А вдруг она скажет: «Вы что!»
— Да она мне все уши прожужжала: «Найди, говорит, мне какого-нибудь пожилого одинокого, пускай, мол, здесь живет... Вдвоем-то легче».

— Да?

— Конечно! Чего тут колебаться-то? Она баба умная, хозяйственная... Ты там будешь сыт, пьян и нос в табаке.

— Ну, я же тоже не с голыми руками приду... Мы ж зарабатываем как-никак. Потом... на книжке у меня малость имеется... Так что...

— Вы будете как у Христа за пазухой жить!

— Черт ее... — Кондрат опять мечтательно улыбнулся. — Охота, действительно, так вот приехать, натопить баню, попариться как следует. Шибко уж надоело по этим квартирам.

— Что ты! — воскликнул Пашка поддакивая.

— Разбередил мне вчера душу этот кум, язви его. В деревне-то ведь... это... хорошо! Встанешь чуть свет — еще петухи не орали, идешь на речку... Тихо. Спят все. А ты идешь и думаешь: «Спите, спите, проспите все царство небесное: красота ж вокруг!» А от речки туман подымается. Я рыбачить ужасно люблю. Купил бы лодку...

— Можно с мотором!

— Можно, ага.

— Я бы приехал к тебе в гости, мы бы заплыли с тобой на острова, порыбачили бы,

постреляли, а вечером разложили бы костерчик, сварили бы уху, пузырек раздавили...

Кондрат улыбается.

— Ага, я тоже люблю на островах. Ночь, тихо, а ты лежишь, думаешь об чем-нибудь. Думать шибко люблю.

— А костер потрескивает себе, угольки отскакивают. Я тоже думать люблю.

— Речка шумит в камушках.

— Можно баб с собой взять!

— Нет, баб лучше не надо, они воды боются, визжат, — возразил Кондрат.

— Вообще, правильно, — легко согласился Пашка. — И насчет пузырька не дадут...

Тут к их машинам подъехала третья. Из кабины выпрыгнул шофер, рослый детина, направился к ним. В руках — тоже бутылка пива.

— Здорово, братцы! — поздоровался за руку с Кондратом и с Пашкой. — Помянем Ваню Перетягина — царство ему небесное. — Открыл бутылку. — Может, там на такси работает, ангелов возит. — Перевернул бутылку и всю вылил в горло.

— Не знаю, кого Иван возит, но ты, Микола, будешь на том свете чертей возить. Это я знаю, — сердито заметил Кондрат.

— Пошто, дядя Кондрат?

— Пото... в Онгудае кого остановили?

— А-а, так это дурак инспектор попался. Я же не виноват, что он дурак.

— Я тебе только одно могу сказать: врежешься — не заеду, вот так, не помяну. И всем закажу. Ивана я знал: он в рейсе капли в рот

не брал. И погиб он зазя, мне его жалко. А тебя не будет жалко.

— Зря ты так, дядя Кондрат. Мы там с ребятами выпили так же вот, по бутылке пива. И все.

— С бутылки пива не будешь вилать, что ты мне сказки рассказываешь. Я же тебе не инспектор какой-нибудь.

— Скажи уж, было дело, — посоветовал Пашка.

— Маленько было, — признался детина. Отбросил бутылку. — Но я — полбеда, а вот этот у нас... как его... новый...

— Марчук?

— Да. Семен Кречетов рассказывает: «Стою, говорит, — у него камера лопнула, — жду кого-нибудь. Запасную кому-то отдал в дороге. Смотрю, говорит, наша машина идет. Ну, я в надежде — остановится, не поднял руку. А он — мимо, только борт показал». Ты понял?

Эту историю Кондрат и Пашка выслушали серьезно. Помолчали немного.

— Темную, — предложил Пашка.

— Молодой ишо. Научим, — неопределенно сказал Кондрат и встал. — Поехали.

Пошли к машине.

Звывли моторы, и машины пошли дальше.

Тетка Анисья — женщина лет под пятьдесят, сухая, жилистая, с молодыми хитрыми глазами, беспокойная. Завидев из окна гостей, моментально подмахнула на стол белую камчатную скатерть, крутнулась по избе — одер-

нула, поправила, подвинула... И села к столу как ни в чем не бывало. Сказала сама себе:

— Пашка-то... правда, однако, кого-то привез.

Пашка вошел солидный.

— Здорово ночевала, тетка Анисья! — сказал.

— Здравьете, — скромно буркнул Кондрат.

— Здравьете, здравьете, — приветливо откликнулась тетка Анисья, а сама ненароком зыркнула на Кондрата. — Давно чего-то не заезжал, Паша.

— Не случилось все... кхм! Вот познакомься, тетка Анисья. Это мой товарищ — Кондрат Степанович.

— Мгм. — Тетка Анисья кивнула головой и собрала губы в комочек — очень приятно, мол. А Кондрат осторожно кашлянул в ладонь.

— Вот, значит, приехали мы... — продолжал Пашка, но тетка Анисья и Кондрат, оба, испуганно взглянули на него. Пашка понял, что слишком скоро погнал дело... — Заехали, значит, к тебе отдохнуть малость, — сполз Пашка с торжественного тона.

— Милости просим, милости просим, — застрекотала Анисья. — Может, чайку?

— Можно, — разрешил Пашка.

Анисья начала ставить самовар.

Пашка вопросительно поглядел на Кондрата. Тот страдальчески сморщился. Пашка не понял: отчего? Оттого ли, что не нравится «невеста», или оттого, что он неумело взялся за дело.

— Как живешь, тетка Анисья?

— Живем, Паша... ничего вроде бы.
— Одной-то небось тяжело? — «издалека» начал Пашка.

— Хе-хе, — неловко посмеялась Анисья. — Знамо дело.

Кондрат опять сморщился.

Пашка недоуменно пожал плечами. Даже губами спросил: «Что?»

Кондрат безнадежно махнул рукой. Пашка рассердился — как ни начни, все не нравится.

— Самогон есть, тетка Анисья? — пошел он напрямик.

Кондрат удовлетворенно кивнул головой.

— Да вроде был где-то. Вы с машинками-то... ничего?

— Ничего. Мы по маленькой.

Анисья вышла в сенцы. И, как по команде, сразу торопливо заговорили Кондрат и Пашка.

— В чем дело, дядя Кондрат?

— Что ж ты сразу наобум Лазаря начинаешь? Ты... давай посидим, по...

— Да чего с ней сидеть-то?

— Тыфу!.. Ну кто же так делает, Павел? Ты... давай посидим...

— А вообще-то... как она тебе? Ни...

Вошла Анисья.

— Ведро-то какое стоит! Благодарь господня. В огороде так и прет, все так и прет. — Анисья поставила на стол графин с самогоном.

— Прет, говоришь? — переспросил Пашка, трогая графин.

— Прет, прямо сердце радуется.

— Садись, дядя Кондрат.

— Садитесь, садитесь... Давайте к столу.

У меня, правда, на стол-то шибко нечего выставить.

— Ничего-о, — сказал Кондрат. — Что мы сюда, пировать приехали?

— Счас огурчиков вам порежу, капустаки... — хлопотала Анисья, а сама все нет-нет да и глянет на Кондрата.

— Значит, хорошо живешь, тетка Анисья? опять спросил Пашка. — Здоровьишко как?

— Бог милует, Паша.

— Самое главное. Так... Ну что, дядя Кондрат? Сфотографируем по стаканчику?

— По стаканчику — это много, — рассудил Кондрат.

Анисья поставила на стол огурцы, помидоры, нарезала ветчины. Присела с краешку сама.

— Тебе налить, тетка Анисья?

— Немного!.. С наперсток!

Пашка разлил по стаканам.

— Ну... радехоньки будем!

Выпили.

Некоторое время мужики смачно хрустели огурцами, рвали зубами розоватое сало. Молчали.

— Замуж-то собираешься выходить, тетка Анисья? — ляпнул Пашка.

Анисья даже слегка покраснела.

— Господи-батюшки!.. Да ты что это, Павел? Ты с чего это взял-то?

Теперь Пашка очень удивился.

— Привет! Так ты же сама говорила мне!

Кондрат готов был сквозь землю провалиться.

— Ну и балаболка ты, Павел,— сказал он с укоризной. — Ешь лучше.

— Желтмены! — воскликнул Пашка. — Я вас не понимаю! Мы же зачем приехали?

— Тьфу! — Кондрат горько сморщился и растерянно поглядел на Анисью.

Анисья тоже было не по себе, но она женским хитрым умом своим нашлась, как вывернуться из трудного положения. Она глянула в окно и вдруг всплеснула руками.

— Матушки мои! Свиныи-то! Свиныи-то! В огороде! — И вылетела из избы.

— Все! — Кондрат встал и бросил на стол вилку. — Поехали! Не могу больше: со стыда лошну. Ты что же это со мной делаешь-то?

— Спокойно, дядя Кондрат! — невозмутимо сказал Пашка. — Я в этих делах опытный. Если мы разведем тут канитель, то будем три дня сидеть и ничего не добьемся. Надо с ходу делать нокаут. Понял?

— Да что же ты меня позоришь-то так на старости лет! Вить мне не тридцать, чтобы нокауты твои дурацкие делать.

— Ничего, — успокоил Пашка, — сперва будет неловко, потом пройдет. Спокойствие, только спокойствие. Нам нельзя ждать милости от природы. Садись. Давай еще по махонькой. Что тут позорного? Ты говоришь «позор». Мы же не ворую.

— По-другому как-то делают люди... Язви ее, прямо хоть по стула падай.

— Глянется она тебе?

— Да ничего вроде... — Кондрат сел опять к столу. — Живая вроде бабенка.

— Все! — Пашка сделал жест рукой. — Наша будет!

— Но ты все-таки полегче, Павел, ну ты к шутам.

— А ты посмеивайся надо мной, — посоветовал Пашка. — Вроде бы я — дурачок. А с дурачка взятки гладки.

— Ну а как она-то? Как думаешь? Может, возьмет потом да скажет: «Вы что?»

— О-о мне эти ффраера! — изумился Пашка. — Да ты видишь, она с тебя глаз не спускает.

— Ты хаханьки тут не разводи! — разозлился Кондрат. — Тебя дело спрашивают.

— А что ты спрашиваешь, я никак не пойму?

— Вот мы ей сейчас скажем, что... это... ну, мол, согласная? А она возьмет да скажет: «Вы что?» Она же сказала тебе, что, мол, ты что, Павел, когда это я замуж собиралась?

— О-о, — застонал Пашка, — о наивняк! Ты же совсем не знаешь женщин. Женщины — это сплошной кошмар. Давай, быстро хлопнули, потом, пока она выгоняет свиней, я тебе прочитаю лекцию про женщин.

— Хватит «хлопать», а то нахлопаешься.

— Начнем со свиней, — заговорил Пашка, встал из-за стола и стал прохаживаться по избе — ему так легче было подыскивать нужные слова. — Вот она сейчас побежала выгонять свиней. Так?

— Ну.

— Вопрос: каких свиней?

— Не выпендривайся, Пашка.

— Нет-нет, каких свиней?

— Ну... обыкновенных... белых. Грязные они бывают... Пошел ты к черту! Дурака ломает тут...

— Стоп! Мы пришли к главному: она побежала выгонять свиней, а... что?

— Что?

— Вопрос: она побежала...

— Тьфу! Трепач! Пирамидон проклятый.

— Внимание! Женщина побежала выгонять свиней из огорода, а никаких свиней нету! — Пашка торжественно поднял руку. — Что и требовалось доказать. Она притворилась, что в огороде свиньи. Значит, она притворилась, когда сказала: «Что ты, Паша, я не собираюсь замуж!» Потому что она мне самому говорила: «Найди, мол, какого-нибудь пожилого». А когда я, как желтый, привез ей пожилого, она начинает ломаться, потому что она — женщина, хоть и старая. Женщина — это стартер: когда-нибудь да подведет.

— Ни хрена ты сам не знаешь, трепешься только.

— Я? Не знаю?

— Не знаешь.

— Я женский вопрос специально изучал, если хочешь знать. Когда в армии возил генерала, я спер у него из библиотеки книгу — «Мужчина и женщина». И там есть целая глава: «Отношения полов среди отдельных наций». И там написано, что даже индусы, например...

Вошла Анисья. Пожаловалась:

— Ограда вся прохудилась — свиньи так и прут, так и прут в огород. Наказание господне!

Пашка перестал ходить, постоял, подумал, что-то решил.

— Тетка Анисья...

— Аиньки, Паша.

— Выйдем с тобой на пару слов...

— Хе-хе, — посмеялась Анисья, — чудной ты парень, ей-богу. Ну пойдём, пойдём...

Вышли. Несколько минут их не было. Кондрат сидел неподвижно за столом, смотрел в одну точку.

Вошел Пашка.

— Дядя Кондрат, мы в полном порядке. Первое: она, конечно, согласная. Хороший, говорит, мужик, сразу видно. Второе: я сейчас поеду, а вы останетесь тут... Потолкуете. В совхозе я скажу, что ты стал на дороге — подшипки меняешь. К вечеру, мол, будет. Вечером ты приедешь. Третье: налей мне семьдесят пять грамм, и я поеду.

— Ты ничего тут не... это... не придумал? — спросил Кондрат.

— Нет-нет.

— Что-то мне... страшновато, Павел, — признался Кондрат. — Войдет, а чего я ей скажу?

— Она сама чего-нибудь скажет. Наливай!

— Пить хватит — поедешь.

Пашка подумал и согласился.

— Правильно. Мы лучше в совхозе наверхстаем.

— Боязно мне, Пашка, — опять сказал Кондрат. — Не по себе как-то.

— В общем, я поехал. Гуд бай! — Пашка решительно вышел.

Через минуту вошла Анпся с тарелкой со-
леных помидоров.

— Ведро-то какое стоит! Благодарь господ-
ня! — заговорила она.

— Да-а, — согласился Кондрат. — Погода
прямо как на заказ.

На хмелесовхозе, куда приехал Пашка, он
сперва потрепался с бабами, собиравшими
хмель... Потом нашел директора.

— А где другой? — спросил тот, заглянув
в Пашкину путевку.

— У него подшипники поплавились — ме-
няет, — сказал Пашка.

— А ты шибко устал?

— Нет. А что?

— Надо бы поехать на нефтебазу — горю-
чее получить. Я свои машины все раскидал, а
у нас горючее кончается...

— Сфотографировано, — сказал Пашка.

— Что? — не понял директор.

— Будет сделано.

День был тусклый, теплый. Дороги раскисли
после дождя, колеса то и дело буксовали.
Пашка, пока доехал до хранилища, порядком
умаялся.

...Бензохранилище — целый городок, стро-
гий, стройный, однообразный, даже красивый
в своем однообразии. На площади гектара в два
аккуратными рядами стоят огромные серебри-
сто-белые цистерны — цилиндрические, квад-
ратные.

Пашка поставил машину рядом с другими
и пошел оформлять документы в контору...

В конторе было человек шесть шоферов, две
девушки за столами, и толстый мужчина в
очках (тоже сидел за столом).

И вдруг низенькую контору озарил яркий
свет.

Свет вспыхнул сразу. Все на мгновение
остолбенело. Стало тихо. Потом тишину эту,
как бичом, хлестнул чей-то вскрик на улице:

— Пожар!

Шарахнули из конторы...

Горели бочки на одной из машин. Горели
как-то зловеще, бесшумно, ярко.

Люди бежали от машин.

Пашка тоже побежал вместе со всеми.
Только один толстый человек (тот, который
оформлял бумаги), отбежав немного, остано-
вился.

— Давайте брезент! Э-э! — заорал он. —
Куда вы?! Успе-ем же!

— Бежи — сейчас рванет! Бежи, дура тол-
стая! — крикнул кто-то из шоферов.

Несколько человек остановились. остано-
вился и Пашка.

— Сча-ас... Ох и будет! — слышался сза-
ди чей-то голос.

— Добра пропадет сколько! — ответил дру-
гой.

Кто-то заматерился. Все ждали.

— Давайте брезент! — непонятно кому кри-
чал толстый мужчина, но сам не двигался с
места.

— Уходи! — опять крикнули ему. — Вот

ипак... Что тут брезентом сделаешь? «Брезент»...

Пашку точно кто толкнул сзади. Он побежал к горящей машине. Ни о чем не думал. Видел, как впереди, над машиной, огромным винтом свивается белое пламя.

Не помнит Пашка, как добежал он до машины, как включил зажигание, рванул стартер, «воткнул» скорость — человеческий механизм сработал точно. Машина рванулась и, набирая скорость, понеслась прочь от цистерн и от других машин с горючим.

Река была в полукилометре от хранилища! Пашка правил туда, к реке.

Машина летела по дороге, ревели. Горящие бочки грохотали в кузове. Пашка закусил до крови губу, почти лег на штурвал...

До берега осталось метров двадцать. Пашка открыл дверцу. Не снимая правой ноги с газа, стал левой на подножку. В кузов не глядел — там колотились бочки и тихо шумел огонь. Спине было жарко. Треснуло заднее смотровое стекло.

Теперь обрыв надвигался быстро. А Пашка все что-то медлил, не прыгал...

Прыгнул, когда до берега осталось метров пять. Упал. Слышал, как с лязгом грохотнули бочки. Взыл мотор...

Потом под обрывом сильно рвануло. Оттуда вырос красивый стремительный столб огня. И стало тихо.

Пашка попытался подняться и тут же сел —

в сердце воткнулась такая каленая боль, что в глазах потемнело.

— Мм... ногу сломал, — сказал он самому себе.

Пашку окружили подъехавшие шофера, засуетились. Подбежал толстый человек и заорал:

— Какого черта не прыгал, когда отъехал уже?! Направил бы машину и прыгал! Обязательно надо до инфаркта людей довести!

— Ногу сломал, — сказал Пашка.

— В герон лезут! Молокососы!.. — кричал толстый.

Один из шоферов ткнул его кулаком в пухлую грудь.

— Ты что, спятил, что ли?

Толстый оттолкнул шофера... Снял очки, трудно высморгался. Сказал с нервной дрожью в голосе:

— Лежать теперь. Черти.

Пашку подняли и понесли.

В палате было еще человек семь больных. Большинство лежало, вытянув кверху загнивавшие ноги.

Пашка тоже лежал, задрал левую ногу.

Около него сидел тот самый человек с нефтебазы, который предлагал брезентом погасить пламя.

— Сколько валяться-то придется? — спросил толстый.

— Не знаю. С месяц, наверно, — ответил Пашка.

— Перелом бедренной кости? — спросил один белобрысый паренек. (В больнице он находился, видно, долго, озверел, сильно нервничал и ко всему придирался.) — А сто суток не хочешь? Быстрые все какие...

— Ну, привет тебе от наших ребят, — продолжал толстый. — Хотели прийти сюда — не пускают. Меня, как профорга, и то еле пропустили. Журналов вот тебе прислали... — Мужчина достал из-за пазухи пачку журналов. — Из газеты приходили, расспрашивали про тебя... А мы и знать не знаем, кто ты такой. Сказали, что придут сюда.

— Это ничего, — сказал Пашка самодовольно. — Я им тут речь скажу.

— Речь? Гм!.. Ну ладно, поправляйся. Будем заходить к тебе в приемные дни — я специально людей буду выделять. Я бы поспедел еще, но на собрание тороплюсь. Тоже речь надо говорить. Не унывай.

— Ничего.

Профорг пожал Пашке руку, сказал всем «до свидания» и ушел.

— Ты что, герой, что ли? — спросил Пашку один «ходячий», когда за профоргом закрылась дверь.

Пашка некоторое время молчал.

— А вы разве ничего не слышали? — спросил он серьезно. — Должны же были по радио передавать.

— У нас наушники не работают. — Белобры-

сый щелкнул толстым пальцем по наушникам, висевшим у его изголовья.

Пашка еще немного помолчал. И ляпнул:

— Меня же на Луну запускали.

У всех вытянулись лица, белобрысый даже рот приоткрыл.

— Нет, серьезно?

— Конечно. Кха! — Пашка смотрел в потолок с таким видом, как будто он на спор на виду у всех проглотил топор и теперь ждал, когда он переварится...

— Врешь ведь? — негромко сказал белобрысый.

— Не веришь — не верь, — сказал Пашка. — Какой мне смысл врать?

— Ну и как же ты?

— Долетел до половины, а горючего не хватило. Я прыгнул. И ногу вот сломал — неточно приземлился.

Первым очнулся человек с «самолетом».

— Вот это загнул! У меня ажник дыхание остановилось.

— Трепло, — сказал белобрысый разочарованно. — Я думал — правда.

— А как это ты на парашюте летел, если там воздуха нету? — спросил «ходячий».

— Затяжным.

— А кто это к тебе приходил сейчас? — спросил человек с «самолетом». — По-моему, я его где-то...

Тут в палату вошли старичок доктор с сестрами и с ними изящная девушка в брюках, маленькая, в громадном свитере — «странная и прекрасная».

Доктор подвел девушку к Пашке.

— Вот ваш герой. Прошу любить.

— Вы будете товарищ Колокольников?

— Я,— ответил Пашка и попытался встать.

— Лежите, лежите, что вы! — воскликнула девушка, подходя к Пашке.— Я вот здесь присяду немножко. Можно?

— Боже мой! — сказал Пашка, стараясь сдвинуться.

Девушка села на краешек белой плоской койки.

— Я из городской молодежной газеты. Хочу поговорить с вами.

Белобрысый перестал хохотать, смотрел то на Пашку, то на девушку.

— Это можно,— сказал Пашка и мельком глянул на белобрысого.

Тот начал икать.

— Как вы себя чувствуете? — спросила девушка, раскладывая на коленях большой блокнот.

— Железно,— сказал Пашка.

Девушка улыбнулась, внимательно посмотрела на него. Пашка тоже улыбнулся и подмигнул ей. Девушка опустила глаза к блокноту.

— Для начала... такие... формальные вопросы: откуда родом, сколько лет, где учились...

— Значит, так...— начал Пашка закуривая.— А потом я речь скажу. Ладно?

— Речь?

— Да.

— Ну... хорошо... Я могу потом записать. В другой раз.

— Значит, так: родом я из Суртайки — семьдесят пять километров отсюда. А вы сами откуда?

Девушка весело посмотрела на Пашку, на других больных: все, притихнув, смотрели на нее и на Пашку, слушали. Белобрысый икал.

— Я из Ленинграда. А что?

— Видите ли, в чем дело,— заговорил Пашка,— я вам могу сказать следующее...

Белобрысый неудержимо икал.

— Выпей воды! — обозлился Пашка.

— Я только что пил — не помогает,— сказал белобрысый сконфузившись.

— Значит, так...— продолжал Пашка, затягиваясь папироской.— О чем мы с вами говорили?

— Где вы учились?

— Я волнуюсь,— сказал Пашка (ему не хотелось говорить, что он окончил только пять классов).— Мне трудно говорить.

— Вот уж никогда бы не думала! — воскликнула девушка.— Неужели вести горящую машину легче?

— Видите ли...— опять напыщенно заговорил Пашка, потом вдруг поманил к себе девушку и негромко, так, чтобы другие не слышали, доверчиво спросил: — Вообще-то в чем дело?.. Вы только это не пишите... Я что, на самом деле подвиг совершил? Я боюсь: вы напишете, а мне стыдно будет потом перед людьми. «Вон, скажут, герой пошел!» Народ же знаете какой... Или ничего, можно?

Девушка тихо засмеялась. А когда перестала смеяться, некоторое время с интересом смотрела на Пашку.

— Нет, это ничего, можно.

Пашка приободрился.

— Вы замужем? — спросил он.

Девушка растерялась.

— Нет... А собственно, зачем вам это?

— Можно, я вам письменно все опишу? А вы еще раз завтра придете, и я вам отдам. Я не могу, когда рядом икают.

— Что я, виноват, что ли? — сказал белобрысый и опять вкнул.

Девушку Пашкино предложение поставило в тупик.

— Понимаете... я должна этот материал дать сегодня. А завтра я уезжаю. Просто не знаю, как нам быть. А вы коротко расскажите. Значит, вы из Суртайки. Так?

— Так. — Пашка скис.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь на меня, я ведь тоже на работе.

— Я понимаю.

— Где вы учились?

— В школе.

— Где, в Суртайке же?

— Так точно.

— Сколько классов кончили?

Пашка строго посмотрел на девушку.

— Пять. Неженатый. Не судился еще. Все?

— Что вас заставило броситься к горячей машине?

— Дурость.

Девушка посмотрела на Пашку.

— Конечно. Я же мог подорваться, — пояснил тот.

Девушка задумалась.

— Хорошо, я завтра приду к вам, — сказала она. — Только я не знаю... завтра приемный день?

— Приемный день в пятницу, — подсказал «ходячий».

— А мы сделаем! — напористо заговорил Пашка. — Тут доктор добрый такой старик, я его попрошу, он сделает. А? Скажем, что ты захворала, бюллетень выпишет.

— Приду. — Девушка улыбнулась. — Обязательно приду. Принести чего-нибудь?

— Ничего не надо! Меня профсоюз будет кормить.

— Тут хорошо кормят, — вставил белобрысый. — Я уж на что вон какой, и то мне хватает.

— Я какую-нибудь книжку интересную принесу.

— Книжку — это да, это можно. Желательно про любовь.

— Хорошо. Итак, что же вас заставило броситься к машине?

Пашка мучительно задумался.

— Не знаю, — сказал он. И виновато посмотрел на девушку. — Вы сами напишите что-нибудь, вы же умеете. Что-нибудь такое...

Пашка покрутил растопыренными пальцами.

— Вы, очевидно, подумали, что если бочки

взорвутся, то пожар распространится дальше, на цистерны. Да?

— Конечно!

Девушка записала.

— А ты же сказала, что уезжаешь завтра. Как же ты придешь? — спросил вдруг Пашка.

— Я как-нибудь сделаю.

В палату вошел доктор.

— Девушка, милая, сколько вы обещали пробыть? — спросил он.

— Все, доктор, ухожу. Еще два вопроса... Вас зовут Павлом?

— Колокольников Павел Егорыч. — Пашка взял руку девушки, посмотрел ей прямо в глаза. — Приди, а?

— Приду. — Девушка ободряюще улыбнулась. Оглянулась на доктора, нагнулась к Пашке и шепнула: — Только бюллетень у доктора не надо просить. Хорошо?

— Хорошо. — Пашка ласково, благодарно смотрел на девушку.

— До свиданья. Поправляйтесь. До свиданья, товарищи!

Девушку все проводили добрыми глазами.

Доктор подошел к Пашке.

— Как дела, герой?

— Лучше всех.

— Дай-ка твою ногу.

— Доктор, пусть она придет завтра, — попросил Пашка.

— Кто? — спросил доктор. — Корреспондентка? Пусть приходит. Влюбился, что ли?

— Не я, а она в меня.

Смешливый доктор опять засмеялся.

— Ну-ну... Пусть приходит, раз такое дело. Веселый ты парень, я погляжу.

Он посмотрел Пашкину ногу и ушел в другую палату.

— Думаешь, она придет? — спросил белобрысый Пашку.

— Придет, — уверенно сказал Пашка. — За мной не такие бегали.

— Знаю я этих корреспондентов. Им лишь бы расспросить. Я в прошлом году сжал много, — начал рассказывать белобрысый, — так ко мне тоже корреспондента подослали. Я ему три часа про свою жизнь рассказывал. Так он мне даже пол-литра не поставил. Я, говорит, не льющий, то, се — начал влиять.

Пашка смотрел в потолок, не слушал белобрысого. Думал о чем-то. Потом отвернулся к стене и закрыл глаза.

— Слышь, друг! — окликнул его белобрысый.

— Спит, — сказал человек с «самолетом». — Не буди, не надо. Он на самом деле что-то совершил.

— Шебутной парень, — похвалил белобрысый. — В армии с такими хорошо.

Пашка долго лежал с открытыми глазами, потом действительно заснул.

И приснился ему такой сон...

Как будто он генерал. И входит он в ту самую палату, где лежал он сам... Но только в палате лежат женщины. Тут Катя Лизунова, корреспондентка, Маша-птичница, городская женщина, женщина с нефтебазы и даже тетка

Анисья... И свита вокруг Пашки — тоже из женщин.

Вошел Пашка и громко поздоровался.

Ему дружно ответили:

— Здравствуйте, товарищ генерал!

— Почему я не слышу аплодисментов? — тихо, но строго спросил Пашка-генерал у свиты. Одна из свиты угодливо пояснила:

— Дамская палата...

И она же попыталась надеть на Пашку халат.

— Не нужно,— сказал Пашка,— я стерильный.

И началось стремительное шествие генерала по палате — обход.

Первая — Катя Лизунова.

— Что болит? — спросил Пашка.

— Сердце.

— Желудочек?

Катя смотрит на Пашку как на дурака.

— Сердце!

Пашка повернулся к свите.

— Считается, что генералы — ни бум-бум в медицине. — И снисходительно пояснил Кате: — Сердце тоже имеет несколько желудочков. Ма-аленьких.

И дальше. Дальше — корреспондентка, «странная и прекрасная».

— Что? — ласково спросил Пашка.

— Сердце.

— Давно?

— С семнадцати лет.

— Ну ничего, ничего...

Пашка двинулся дальше. Маша-птичница.

— Тоже сердце? — изумился Пашка.

— Сердце.

— Кошмар.

Пашка идет дальше.

Городская женщина.

Пашка демонстративно прошел мимо.

Тетка Анисья. Поет.

Пашка остановился над ней.

— И у тебя сердце?

— А что же я, хуже других, что ли? — обиделась Анисья. — Смешной ты, Павел: как напаялит человек мундир, так начинает корчить из себя...

— Выписать ей пирамидону! — приказал Пашка. — Пятьсот грамм. Трибуну.

Принесли трибуну. Пашка взошел на нее.

— Я вам скажу небольшую речь, — начал он, но обнаружил непорядок. — Где графин?!

— Несут, товарищ генерал.

— Ну что?! — обратился Пашка к женщинам, лежащим в палате. — Допрыгались?! Докатились?! Доскакались?!..

...И тут засмеялся белобрысый.

Пашка проснулся, поднял голову.

— Ты чего?

Белобрысый все смеялся.

— Это он во сне, — пояснил один пожилой больной. Все другие уже спали. Была ночь.

— Вот жеребец! — возмутился Пашка. — Здесь же больница все же.

Он лег и крепко зажмурился...

...И снова он на трибуне.

— На чем я остановился? — спросил он свиту.

— Вы им сказали, что они доскакались...

— Куда доскакались?.. — с начальственным раздражением переспросил Пашка. — Работнички! Только форсить умеете!..

...И опять его разбудил смех белобрысого.

— Вот паразит, — сказал Пашка поднимаясь. — Что он ржет-то всю ночь?

— Выздоровливает он, — опять сказал пожилой больной.

— Можно же потихоньку выздоравливать. Может, разбудишь его, а? Сказать, что у него дом сгорел, ему тогда не до смеха будет.

— Не надо, пусть смеется.

Пашка опять крепко зажмурился, но больше не получалось, не спалось.

— А вы чего не спите? — спросил он пожилого больного.

— Так... не хочется.

Помолчали.

— Вот вы принадлежите к интеллигенции, — заговорил он.

— Ну, допустим.

— Книжек, наверно, много прочитали. Скажите, есть на свете счастливые люди?

— Есть.

— Нет, чтобы совсем счастливые.

— Есть.

— А я что-то не встречал. По-моему, нет таких. У каждого что-нибудь да не так...

— Вот хочешь, я прочитаю тебе...

— Что, письмо?

— Нет. — Больной взял с тумбочки учебную тетрадку. — Сочинение одного молодого человека...

— Ну-ка, ну-ка... — Пашка приготовился слушать.

— «С утра мы пошли с пацанами в лес, — начал читать больной. — Все были почти из нашего четвертого «Б». Пошли мы сорок зорить. Ну, назорили яичек, испекли и съели. Потом Колька Докучаев рассказывал, как они волка с отцом видали. Мы маленько струсили. В лесу было хорошо. А потом мы хохотали, как Серега Зиновьев из второго «А» петухом пел. В лесу было шибко хорошо. Потом мы пошли домой. Мне мама маленько всыпала, чтобы я не шпаялся по лесам и не рвал последние штаны. А потом мы ели лапшу. Папка спросил меня: «Хорошо было в лесу?» Я сказал: ох и хорошо! Папка засмеялся. Вот и все. Больше я не знаю чего».

— А для чего это вы? — спросил Пашка.

— Это писал счастливый человек.

— Так какое же тут счастье-то? — изумился Пашка.

— Самое обыкновенное: человек каждый день открывает для себя мир. Он умеет смеяться, плакать. И прощать умеет. И делает это от души. Это — счастье.

— Так он же маленький еще!

— Ну, найдется кто-нибудь и большого его научит таким же быть.

— Каким?

— Добрым. Простым. Честным. Счастливых много... Ты тоже счастливый, только... учиться тебе надо. Хороший ты парень, врешь складно... А знаешь мало.

— Когда же мне учиться-то? Я же работаю.

— Вот поэтому и надо учиться.

— А вы учитель, да?

— Учитель.

— Значит, вы счастливый, если вы учите?

— Наверно. Позови-ка сестру.

— Что, плохо?

— Нет, просто устал.

— Лиля Александровна! — позвал Пашка.

Вошла сестра и сделала учителю укол.

— Ну, вот теперь уснем, — сказал тот и выключил свет.

Пашка долго еще лежал с открытыми глазами, думал о чем-то. А как только стал засыпать, услышал голос Настя:

— Павел, иди ко мне.

...И опять снится Пашке сон:

Ждет его Настя на том самом месте, где встречала его во сне в первый раз.

— Здравствуй, Павел.

— Здравствуй.

— Как живешь?

— Ничего.

— Идеал-то не нашел еще?

Пашка усмехнулся.

— Нет.

— Помнишь сказку? — спросила вдруг Настя.

— Бабушка тебе рассказывала...

— Про голую бабу, что ли?

— Да.

— Помню.

— Так вот ты не верь: это не смерть была, это любовь по земле ходит.

— Как это?

— Любовь. Ходит по земле.

— А чего она ходит?

— Чтобы люди знали ее, чтоб не забывали.

— Какая же она?

— Она красивая-красивая...

— Хоть бы разок увидеть ее.

— Увидишь. Она придет к тебе.

— А если не придет? Ведь нельзя же сидеть и ждать, что появится кто-то и научит, как добиться счастья. Будешь ждать, надеяться, а никто и не придет. Так и проживешь дураком. Правильно я рассуждаю?

— Правильно. — Перед Пашкой уже не Настя, а учитель. — Так надо самому жизнь делать. Больше знать надо... А учиться можно не только в школе. Жизнь — это, брат, тоже школа, только лучше.

— И опять: если я буду сидеть и ждать...

— Зачем же ждать? — перебивает его Настя. — Надо искать. Надо все время искать, Павел.

— Так вот я и ищу. Но я же хочу идеал!..

...Опять засмеялся белобрысый.

Пашка проснулся.

Утро. Еще спят все. Пашка оглядел палату.

И вдруг ему показалось...

— Братцы! — заорал он.

Повскакали больные.

— Ты чего, Пашка? — спросил белобрысый.

Пашка показал на учителя, который лежит недвижно.

— Няня! — рывкнул белобрысый.

Учитель приподнялся.

— Что такое? В чем дело?

Все смотрят на него.

— Что случилось-то?

Пашка негромко засмеялся.

— А мне показалось, ты помер, — сказал он простодушно.

Учитель досадливо сморщился.

— Первую ночь спокойно уснул... Надо же!

Пашка лег и стал смотреть в потолок. На душе у него было легко.

— Значит, будем жить! — сказал он и улыбнулся своим мыслям.

А за окнами больницы — ясный, светлый день. Большая, милая жизнь...

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Фильм по сценарию В. Шукшина «Живет такой парень» поставлен на киностудии им. М. Горького в 1964 году. Фильм черно-белый, 10 ч.

Режиссер-постановщик — В. Шукшин. Оператор — В. Гинзбург. Художник — А. Багичев. Композитор — П. Чекалов. Звукооператор — В. Хлобынин. Редактор — В. Погожева.

Роли исполняют:

Пашка Колокольников — Л. Куравлев, Настя — Л. Александрова, Катя — Л. Буркова, Анисья — Н. Сазонова, Кондрат — Б. Балакин, больной учитель — Е. Тетерин, журналистка — Б. Ахмадулина.

В эпизодах: Л. Вольская, Н. Гицерот, Р. Григорьева, А. Зуева, Н. Иванова, Р. Нахашев, В. Филипов и другие.

Василий Макарович Шукшин
ЖИВЕТ ТАКОЙ ПАРЕНЬ

М. Искусство
Стр. 88

Ш-95
1964

Редактор И. Н. Владимирцева
Оформление художника
Е. И. Агроскина
Художественный редактор
Г. К. Александров
Технический редактор
М. А. Панкратова
Корректор И. И. Емельянова

Слано в набор 2/VII 1964 г. Подп. в печ.
11/VIII 1964 г. Форм. бум. 70×90¹/₃₂. Печ. л.
2,63 (условных 3,07). Уч.-издат. л. 2,65.
Тираж 10 000 экз. Изд. № 15558. А07175.
«Искусство», Москва, И-51, Цветной бульвар, 25.
Зак. тип. № 437

Московская типография № 20 Главполиграф-
прома Государственного комитета Совета
Министров СССР по печати
Москва, 1-й Рижский пер., 2
Цена 15 коп.

чатаны в журналах «Молодая гвардия», «Москва», «Новый мир», «Октябрь».

В фильме «Живет такой парень» зрители познакомятся с В. Шукшиным — кинорежиссером и драматургом. Это его режиссерский и сценарный дебют.

До поступления в 1954 году на режиссерский факультет Всесоюзного государственного института кинематографии В. М. Шукшин прошел большой жизненный путь. Он родился на Алтае в 1929 году. Окончив семилетнюю школу в родном селе, будущий актер, режиссер, киносценарист и писатель работал в колхозе, на заводе, служил в армии, заочно оканчивал десятилетку...

Многогранная одаренность молодого художника, знание им народной жизни сообщили оригинальность и свежесть его литературным и актерским работам и проявились в драматургии и режиссуре фильма «Живет такой парень».

Эта кинокартина отмечена премией по разделу комедийных фильмов на Всесоюзном кинофестивале 1964 года в Ленинграде и большим призом «Золотой Лев» — главной наградой XVI Международного фестиваля фильмов для детей в Венеции.